

ВОСПОМИНАНИЯ

НЕОРДИНАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ А.И. КРУШАНОВ

Борис Иванович МУХАЧЕВ,
доктор исторических наук

Впервые с А.И. Крушановым мне довелось встретиться еще в 50-х годах прошлого века в Томске, когда после окончания Московского историко-архивного института я работал старшим научным сотрудником Центргосархива Дальнего Востока в отделе использования документальных материалов. Но приходилось составлять и архивные справки, обслуживать посетителей в читальном зале.

В этом зале я и познакомился с Андреем Ивановичем. Его только что назначили заведующим Отделом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного филиала СО АН СССР. Было ему тогда 38 лет. Возраст вроде бы не молодежный, но выглядел он молодцевато, был красивым, стройным мужчиной, при встречах крепко пожимал руку. Так крепко, что хватка его потом долго чувствовалась.

Изображение якоря на кисти руки как бы говорило о каком-то отношении к морю. Как потом выяснилось, его отец до 1916 г. служил в Сибирской военной флотилии. Работать на море он продолжал и с 1932 г., когда с семьей переехал из Красноярского края в Приморье. Конечно, и он, наверное, был с якорем, и сын без этого тоже не мог обойтись. Хотя документы личного дела Андрея Ивановича о службе на флоте не упоминают. Возможно, во время службы в армии (1940—1945 гг.) он мог быть связан с морем. Как вспоминает его однополчанин — командир взвода, Крушанов был мотористом.

Рядовой А. Крушанов (во втором ряду в центре). 1940 г.

Я вызвался быть экскурсоводом по Томску и знакомил А.И. Крушанова с историческими памятными местами. Нашему сближению способствовала и общая тема исследования — о революционном движении на Дальнем Востоке, о гражданской войне. Хорошо запомнился такой факт. На площади Ленина мы зашли на почту. Какая-то старушка из-за плохого зрения не могла записать свои данные на почтовом извещении. Я подумал, что надо бы ей помочь, но удобно ли отвлекаться, когда я не один?! Андрей Иванович просто разрешил эту проблему. Он сел за стол и заполнил извещение, показав пример того, как важно быть внимательным к пожилым людям.

Андрей Иванович приглашал принимать участие в научных конференциях на Дальнем Востоке, которые организовывал его отдел, в публикациях отдела, чем я и сотрудники нашего архива стали систематически пользоваться. Хорошо запомнилась конференция, посвященная столетию Владивостока. В одной из книг Крушанова были допущены фактические ошибки, связанные с деятельностью К.А. Суханова во Владивостоке в 1916 г. В созданной в то время социал-демократической организации был шпик, но Крушанов этого не отметил. Оппоненты отчаянно его

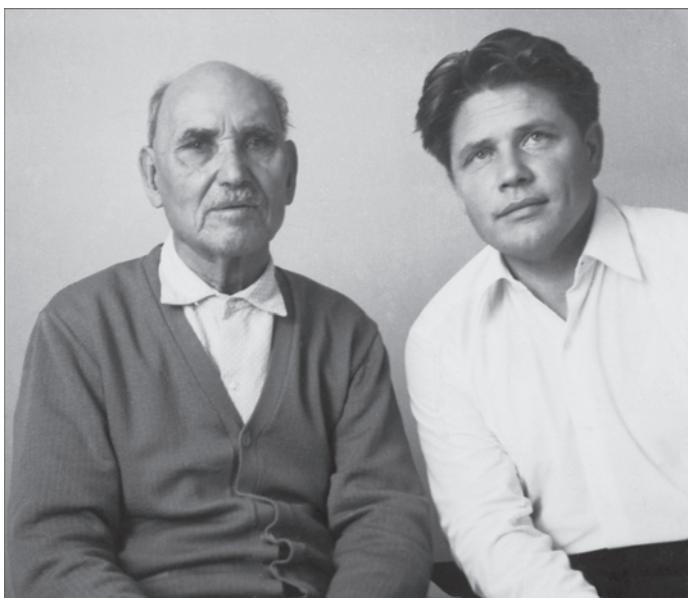
А.И. Крушанов. Фото 1985 г.

критиковали. Я тогда весь огонь критики принял на себя: сказал, что, к сожалению, именно я в своей публикации допустил эту ошибку, а Крушанов, поверив мне как архивисту, использовал это в своей работе. Я пояснил также, что «сверху» тогда не рекомендовали раскрывать этот факт.

С тех пор я уже часто стал принимать участие в научных конференциях отдела.

В 1964 г. после защиты кандидатской диссертации о гражданской войне на Севере Дальнего Востока я был приглашен на работу в Магадан в СВКНИИ СО АН СССР в лабораторию истории, археологии и этнографии, которую возглавлял Н.Н. Диков (в то время кандидат исторических наук, позже — член-кор. РАН). Я, конечно, сразу согласился, так как очень хотелось пожить и поработать на Севере, о котором я имел представление лишь по книгам да по архивным документам.

При встрече с А.И. Крушановым я и от него получил приглашение, но сказал, что работать во Владивостоке тоже интересно, однако с Магаданом вопрос уже решен. Андрей Иванович согласился, что в СВКНИИ стоит поработать, но если появится желание переехать во Владивосток, то приглашение остается в силе.

Б.И. Мухачев (справа) во время беседы с П.М. Никифоровым, бывшим премьер-министром Дальневосточной республики.
1967 г. Москва.

Работа в Магадане очень много дала мне для изучения истории Северо-Востока. У меня появился ряд новых публикаций.

Но в 1971 г. благодаря энергичной деятельности Крушинова, который стал уже членом-корреспондентом АН СССР, Дальневосточный отдел истории, археологии и этнографии был преобразован в научно-исследовательский институт. В специальном историческом институте работать было интереснее, перспективнее, предоставлялась возможность подготовки к защите докторской диссертации. Да и здоровье мое и моей семьи уже требовало переселения в более теплые места.

Андрей Иванович охотно согласился принять меня в новый институт, в котором я работаю с ноября 1971 г. и по сей день.

Недавно я разговорился с доктором исторических наук Петром Яковлевичем Гонтмахером. Он вспомнил, что в ноябре 1971 г. ездил во Владивостокский аэропорт по просьбе Крушинова встретить меня. В то время Петр Яковлевич был лаборантом института. На моих глазах он стал кандидатом, затем доктором исторических наук. Он вспоминает, что Крушинов очень тепло отзывался обо мне, ценил как архивиста и ученого.

Однажды Андрей Иванович сказал, что рекомендует меня ученым секретарем института. Что и говорить — работа интересная,

Председатель Президиума ДВО РАН академик В.И. Ильичев вручает
Б.И. Мухачеву (слева) диплом доктора исторических наук. 1987 г.

но потом уже я понял, что она не для меня, ей требуется подчинить все свое время, и вряд ли удастся во всей полноте заниматься наукой.

Административных способностей у себя я не обнаружил, и в 1975 г. меня сменил в этой должности кандидат исторических наук А.Т. Мандрик (сейчас доктор). Недавно я слышал по радио, что «овны» (а я — «овен») к административной работе не расположены, а Мандрик — «лев», ему самой судьбой было предназначено занимать руководящие посты. Через некоторое время он стал уже заместителем директора по науке. Андрей Иванович назначил меня зав. сектором источниковедения, заведующим творческой группой по истории гражданской войны.

Листая свой дневник, я вспомнил, что директор чуть ли не каждый год настойчиво требовал от меня ускорить работу над докторской диссертацией. Защита назначалась и на 1983, и на 1985, 1986 годы, наконец, в 1987 г. она состоялась. Тема ее северная: «Советы Северо-Востока СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917—1936 гг.)». Официальными оппо-

нентами были приглашены крупнейшие североведы, доктора наук В.Г. Балицкий и Ф.Г. Сафонов. О третьем оппоненте — докторе исторических наук Е.А. Луцком хочу сказать особо. Он был научным руководителем моей дипломной работы во время учебы в историко-архивном институте. И вот стал официальным оппонентом на защите докторской. Его отец — Алексей Николаевич Луцкий, первый советский чекист на Дальнем Востоке в мае 1920 г. вместе с С.Г. Лазо и В.М. Сибирцевым был сожжен белыми в паровозной топке. Об отце Евгения Алексеевича я пишу сейчас книгу.

У Андрея Ивановича Крушанова была интересная манера общения с коллегами. Обычно к нему в кабинет могли заходить все желающие и ожидать своей очереди в кабинете. Как счастливы были те, кто получал положительное решение вопроса и уходил от него, как на крыльях. И, наоборот, — какими жалкими выглядели сотрудники, которых он критиковал! Это сейчас сотрудник может при всех сказать директору резкость. Демократия? Мне кажется, со стороны коллег это просто невоспитанность. При Крушанове и партийная, и профсоюзная организации своим долгом считали поддерживать авторитет директора.

Но вот, наконец, и моя очередь подошла к Крушанову. Он говорит: «До защиты осталось два месяца. Боюсь, что если мы будем ждать отзывов на диссертацию, то как бы и в этот раз защита не состоялась». В советское время на нужные командировки деньги всегда находились. И мне дается предписание: в Москве-де сейчас находятся два ваших официальных оппонента. Если встретитесь с ними, отзывы их гарантированы. По пути в Москву завезите свою диссертацию в Томск на кафедру истории СССР ТГУ (ведущая организация). Е.А. Луцкий плохо видит, придется почитать ему диссертацию, обсудить неясные вопросы. К 31 марта привезите его на защиту. Так распорядился Андрей Иванович.

В Москве выяснилось, что Ф.Г. Сафонов уже в Якутске. Вылетаю туда, договариваюсь об оппонировании. Оттуда — в Томск, пришлось неделю подождать, пока отзыв был готов. Потом — снова к Луцкому. К 31 марта мы были во Владивостоке. Защита состоялась.

А 23 декабря 1987 г. Академия наук СССР избрала Андрея Ивановича своим действительным членом — академиком. Из историков-дальневосточников это был первый «свой» академик.

Не нужно забывать, что Крушанов был не только директором института, но и первым заместителем председателя Президиума

ДВО РАН. Перегрузка в работе была большая. А.Т. Мандрик вспоминает, что советовал Андрею Ивановичу сосредоточиться на одной какой-то работе, но тот только отмахивался: «Ничего ты не понимаешь!» Конечно, в должности первого заместителя председателя Президиума Крушанов имел больше возможностей защищать интересы и нашего института.

Но перегрузки делали свое дело. И вот уже первый сигнал — инфаркт. А в начале 1991 г. — новый тромб. 8 августа состоялись похороны Андрея Ивановича на Морском кладбище, панихида — в Доме политического просвещения. Много народа, море цветов. Выносили — цветы разбрасывали. Похоронили рядом с женой Маргаритой Семеновной. Могилу покрыли цветами.

Разработанные Крушановым направления развития науки в институте и сейчас являются основными, имеющими большое научное и практическое значение. Академик ушел из жизни, когда только началось переосмысление отечественной истории, развивавшейся на основе формационной методологии. На чествовании его в день рождения, когда Андрею Ивановичу исполнилось 70 лет, секретарь крайкома КПСС В.В. Горчаков, высоко оценивая деятельность Крушанова как директора института, как ученого, отметил его и как преданного делу партии коммуниста. Андрей Иванович уточнил тогда: «Коммуниста тире ленинца».

Но и Горчаков, и Крушанов чувствовали уже, что переосмысление истории не за горами, что потребуются новые подходы к истории. Об этом ученый писал в одной из своих статей в журнале «Ориентир». Нам он говорил, что стране потребуется, как в 1921 г., перейти к своеобразной новой экономической политике. В память о Крушанове на стене здания института установлена мемориальная доска, открыт музей его имени в бывшем его кабинете, где он позволял себе уединиться, отдохнуть от напряженной работы.

Судьба распорядилась так, что после почти пятидесяти лет встречи с этим человеком я снова постоянно «встречаюсь» с ним в музее его имени. Для меня он остался таким, каким был в молодости и в общении с сотрудниками института и другими коллегами. Ученые часто заходят в музей, и мы вспоминаем об этом человеке, об этой неординарной личности. Хотелось, чтобы это общение было более частым, чтобы здесь делились воспоминаниями и нередкими были разговоры о будущем. И чтобы в чем-то следовали примеру А.И. Крушанова.